

Демченко Л.М.

(заведующая кафедрой истории философии ОГУ, кандидат философских наук, доцент, выпускница МГУ),

Масгутова Л.М.

(преподаватель кафедры истории философии ОГУ)

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА И Д. ЛУКАЧА

В статье рассматривается эволюция воззрений Дьердя Лукача на проблему отчуждения в современном ему обществе: от гегелевского отождествления отчуждения с опредмечиванием через концепцию «овеществленного отчуждения» к марксовому пониманию феномена отчуждения как явления капиталистического способа производства.

В условиях современного развития общества особенно остро стоит проблема человека, положение которого обусловлено социально-политическими и экономическими преобразованиями в стране. Засилье бюрократизма, стихийное развитие экономики, усиление проявлений процесса глобализации способствуют крайним формам отчуждения человека. Проблема отчуждения – это не локальная проблема какой-либо одной страны или ряда стран, это всемирно-историческая проблема, практически еще мировой историей не разрешенная. В связи с этим возрастает необходимость возрождения гуманистических концепций человека и общества, связанных с построением общества без отчуждения, общества для человека. Особую актуальность представляет философский анализ проблемы отчуждения венгерским мыслителем середины XX века Дьердем Лукачем, который обосновывает отчужденное положение человека как в условиях капитализма, так и в современных ему социалистических государствах. Попытка Д. Лукача рассмотреть проблему отчуждения с точки зрения всеобщих и тотальных форм его проявления, как при капитализме, так и при социализме, приобретает особый интерес как процесс преодоления негативного отношения к исследованию данной проблемы в условиях социализма. Более того, анализ феномена отчуждения позволяет не только вскрыть ограниченность реального социализма, выявляя его противоречия, но таким образом преодолеть существующие утопические и тоталитаристские трактовки «советского» образца социализма.

Исследования проблемы отчуждения, проводившиеся западными авторами, вскрывали засилье бюрократизма, выявляя господство отчуждения в экономике, политике, нравственной сфере, выражающееся в преследовании инакомыслия, распространении национализма и шовинизма. Поэтому работы западных мыслителей либо подвергались критике путем накле-

ивания различных идеологических ярлыков, либо замалчивались.

Философские взгляды Дьердя Лукача не избежали такой участи. Венгерский философ обращает самое пристальное внимание на процессы, происходившие в современном ему обществе, в особенности связанные с последствиями сталинщины. Критика Дьердя Лукача направлена на антидемократический, бюрократический характер социализма сталинистского типа и его последствия, усиливающие отчуждение человека в обществе и не предоставляющие возможности поиска путей выхода из этого положения.

Такая позиция Д. Лукача не могла остаться незамеченной в советской философии, испытывающей значительное влияние господствующей идеологии. Поэтому проблема отчуждения в философии Д. Лукача (особенно в его поздних работах) довольно длительное время оставалась вне поля зрения советских авторов. Этим объясняется отсутствие глубоких научных исследований по проблеме отчуждения во взглядах зрелого Д. Лукача в философии советского периода.

Следует заметить, что за рубежом философское творчество Дьердя Лукача не оставалось без внимания. Но эти исследования в нашей стране не публиковались, как не публиковались и переводы основных работ Д. Лукача. В настоящее время переведены на русский язык и изданы только два сочинения позднего периода творчества Д. Лукача – «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» (1987 г.) и «К онтологии общественного бытия. Прологомены» (1991 г.), а также изданы несколько его ранних работ по эстетике: «Исторический роман» (1936 г.), «К истории реализма» (1939 г.), «Своеобразие эстетического» (1985-86 гг.).

Идеологический характер философии советского периода способствовал искажению взгля-

дов многих мыслителей, философских течений и направлений. Особенно ярко это проявилось в догматической интерпретации марксизма. Дьердь Лукач одним из первых среди современных философов положил начало творческому исследованию философии К. Маркса в XX веке, что, на наш взгляд, актуально и в настоящее время, когда формируется негативное отношение к марксистской философии, происходит искажение и преуменьшение ее роли в решении проблем социальной действительности.

В нынешнее время, как подчеркивает К.Х. Момджян, наблюдается беспардонная интервенция ценностных суждений в науку, также идеологически окрашенных. Это мы можем видеть на примере доктрины К. Маркса. Ссылаться на К. Маркса в определенных кругах российской интеллигенции «...стало почти неприличным, его третируют не только как лжеученого, но и как аморальную личность, которая создала антигуманную доктрину» (1). Подобный подход, отвергая попытки насильственно осчастливить человечество, вместе с тем отождествляет их с содержанием философского учения К. Маркса.

В то же время западные идеологии демонстрируют действительно продуктивное и цивилизованное отношение к идейному наследию. Поскольку проблема отчуждения предстала именно в XX в. одной из центральных не только в теоретическом, но и практическом плане, постольку рассмотрение ее К. Марксом вызвало огромный интерес. Неслучайно М. Хайдеггер писал: «К. Маркс, познав отчуждение, проник в существенные изменения истории, поэтому марксово понимание истории превзошло все остальные исторические концепции» (2).

Принципиально важным, на наш взгляд, в исследовании феномена отчуждения в философии Д. Лукача становится, во-первых, выявление особенностей категории отчуждения в философии К. Маркса, а во-вторых, раскрытие эволюции воззрений Д. Лукача, от гегелевских трактовок отчуждения, отождествляющих отчуждение с опредмечиванием, к пониманию им марксовской концепции отчуждения, и, самое главное, выявление Д. Лукачем особенностей проявления отчуждения в условиях трансформации капитализма и деформаций социализма в XX в.

Наиболее глубокий, всесторонний анализ феномена отчуждения, осуществленный К. Марксом, предстает в том, что ему удалось раскрыть не только социально-экономическую сущность феномена отчуждения, но выявить

основные черты, особенности этого явления, а также обосновать реальные пути к преодолению отчуждения в обществе.

Проблема отчуждения заинтересовала Дьердя Лукача в одной из первых его работ «История и классовое сознание», опубликованной в 1923 году. В этом исследовании Д. Лукача занимала проблема отчуждения человека от его социальной общественной формы в обществе. Его задачей было раскрыть социально-исторические истоки того духовного состояния, которое определялось обостренным чувством одиночества, изолированности человека в окружающем мире. Заслуга Д. Лукача, как отмечено в ряде публикаций, состоит в акцентировании его внимания на постановке и решении проблемы отчуждения с позиций марксизма. Несмотря на то, что развитая Лукачем в данной книге концепция отчуждения во многом противоречива и в какой-то мере предстает достаточно непоследовательной, важным является попытка венгерского философа показать место и значение указанной категории в системе марксистских воззрений.

Определяющим в формировании воззрений раннего Д. Лукача является неприятие капиталистического общества, как общества отчуждения, несущего в себе гибель культуры. С возрастающей силой у венгерского философа нарастает мотив тотального отрицания этого мира, полного разрыва с ним без каких-либо реальных ориентиров, указывающих выход из этой ситуации. Известный исследователь философии Д. Лукача М. Хевеши обозначила его позицию так: «Романтический антикапитализм с чисто утопическим восприятием мира» (3).

Противоречивость концепции отчуждения, развиваемой венгерским философом в ранний период его творчества, обусловлена, в первую очередь, влиянием гегелевской философской трактовки отчуждения. Вместе с тем Д. Лукач считал, что восстановление марксизма неизбежно связано с «ассимиляцией» диалектики Гегеля. Однако последнее вовсе не означает отождествление философских позиций Г. Гегеля и К. Маркса, более того, диалектический метод Маркса Д. Лукач определяет как последовательное продолжение того, чего Гегель не смог или не успел достичь, но к чему стремился (4).

Следует отметить, что критическая составляющая по отношению к идейным предшественникам марксизма, в частности философии Гегеля, в «Истории и классовом сознании» была не вполне конструктивной. Так, один из глав-

ных оппонентов венгерского философа А. Деборин в своей статье «Георг Лукач и его критика марксизма» писал: «Тов. Лукач в своей книге «Geschichte und Klassenbewusstsein» (1923) выступил в роли философского критика марксизма... Он чрезвычайно искусно завуалировал свои идеалистические идеи и даже мистические тенденции. Однако спрятать идеалистические уши не так-то легко, несмотря на всю тонкую дипломатию т. Лукача»; «...т. Лукач стоит всецело на идеалистической точке зрения...» (5). Следует отметить, безусловно, идеологизированный характер подобной оценки философских воззрений Д. Лукача, так как в ней не учитываются ни положительные стороны философии раннего Д. Лукача, ни эволюция его последующих идей.

Центральной категорией, в рамках которой раскрывается концепция отчуждения в работе Д. Лукача «История и классовое сознание», является категория «тотальность». «Тотальность» предполагает познание исторического момента как целого, выявление универсальной и всесторонней целостности предмета. Чтобы постигнуть тотальность, важно установить не только всесторонность взаимосвязей элементов, но и их отношение к целому. Речь идет об определяющем господстве целого над частью. По Д. Лукачу, сущность метода К. Маркса заключается в том, что проблемы капиталистического общества рассматриваются в их целостности. Именно всеобщность, тотальность означает выход за пределы эмпирического, дает возможность постичь отдельные моменты как точку перехода к целому. Категория «тотальность» выступает как особый принцип всеобщности, который позволяет перейти к рассмотрению общества как взаимосвязанной, взаимообусловленной целостности всех его сторон.

В работе «История и классовое сознание» автор исходит из того, что в качестве продукта деятельности субъекта реальная действительность может быть понята не в ее единичных «вещах», не в ее отдельных измерениях, но лишь как целое, как «конкретная тотальность», т. е. не с «внутримировой» точки зрения, но со всемирно-исторической.

Взаимосвязь и взаимообусловленность общественного процесса в значительной степени определяются субъектно-объектными отношениями в процессе предметно-практической деятельности, «праксиса», в сфере которого субъективное и объективное исчезают как обособленные аспекты, диалектически переходя

друг в друга. При этом Д. Лукач, опираясь на Гегеля, понимает субъекта как реально творящего свой объект и знающего, что этот объект – он сам, иными словами, предстает как тождество субъекта и объекта. Д. Лукач рассматривает субъекта, самосознание которого было бы реальным историческим актом, актом мирозидания. В качестве такого «тождественного субъект-объекта» в книге «История и классовое сознание» указывается пролетариат. «Самопознание пролетариата, – пишет Д. Лукач, – есть... одновременно объективное познание сущности общества» (6). И не только познание, но одновременно также и изменение его: ведь речь идет о коллективном, реально-историческом субъекте, чье познание тождественно сознанию реальности. Таким образом, точка зрения пролетариата – это точка зрения целого, исторической «тотальности», которая сама есть «реальная историческая мощь», сила самой действительности именно как действительности. Эту «мощь», эту «силу» «нельзя отделить от действительности отдельных исторических фактов, не лишив тем самым действительности, фактичности их самих» (7). В свою очередь «включение в тотальность, – указывает Лукач, – решающим образом не только изменяет наше суждение об отдельных явлениях, но и ...обеспечивает постижение предметной структуры... отдельных явлений...» (8).

Дьердь Лукач видит задачу «тождественного субъект-объекта» (пролетариата) в осознании себя, в необходимости встать, таким образом, на точку зрения «целого», осознать себя этим «целым»: излучающим центром общественной тотальности, движущей пружиной истории на данном ее этапе. Тотальное сознание «устраняет дуализм бытия и мышления, субъекта и объекта, присущий раздробленному буржуазному сознанию, тем самым преодолевает неизбежное отчуждение человека, творца истории, от его сущности» (9).

Таким образом, категория «тотальность» Д. Лукача замыкается не на онтологическое единство универсума, а на социальность. При этом самосознание пролетариата, в котором воплощено бытие рабочего одновременно как субъекта и как объекта, – это прежде всего его самосознание в качестве *товара*. Ведь «для рабочего рабочее время – это не только форма объекта его проданного товара, рабочей силы... но одновременно и определяющая форма его наличного бытия как субъекта, как человека» (10).

На наш взгляд, это положение Д. Лукача является исходным для дальнейшего исследования, т. к. именно анализ категории «тотальность» позволяет изучить механизм отчуждения как его понимал венгерский философ на раннем этапе своего творчества.

Осознание рабочим-пролетарием этого обстоятельства предстает уже в качестве «практического познания»: если следовать рассуждениям Лукача, здесь «познание осуществляет предметное, структурное изменение в объекте своего познания». Особенность этого познания состоит в том, что оно не есть постижение противостоящего ему объекта, а представляет собой «самосознание предмета».

Таким образом, самосознание пролетариата, с точки зрения Д. Лукача, предстает как переход от деятельности сознания к осознанию деятельности, точнее «от деятельности, ограниченной («внутримировой») предметностью, к деятельности, преодолевающей предметную реальность, творящей новую историческую действительность». Иными словами, уже в первом акте пролетарского самосознания отрицается тот мир, которому пролетариат обязан своим рождением, вся та «реальность», которая давит и угнетает его. Тогда целью (практической) пролетариата, как считает Д. Лукач, будет фундаментальный переворот общества, взятого во всей своей целостности, буржуазное общество должно быть рассмотрено под углом зрения его «тотального» отрицания. «Непосредственность» предметов и вещей капиталистического мира навязывает себя «внутримировому» сознанию как последнюю реальность. Пролетариат с самого начала порывает с этой мнимой «непосредственностью». К этому шагу его толкает положение «на дне» капиталистического общества в качестве живого воплощения нужды и протеста против нее. Причем историческое своеобразие положения пролетариата Д. Лукач видит в том, что выход за пределы непосредственности буржуазного мира направлен на адекватное постижение общества как целостности, т. е. на его «тотальность».

Однако следует отметить, что впоследствии Д. Лукач подвергнет критике свои идеи, изложенные в «Истории и классовом сознании», в том числе и концепцию «революционного праксиса» – практики не во «внутримировом», а в «миросозидательном» смысле. Он напишет, что пролетариат предстает обожествленным, наделенным властью творить «новый мир» буквально «из ничего», поскольку не признается *ниче-*

го онтологического, что противостояло бы его устремлениям, хоть каким-то образом детерминируя его «историческое творчество» (11).

Мы уже подчеркивали выше значение категории «тотальность». От того, как мы истолковываем категорию «тотальность» – более универсальным (ранний Лукач) или менее универсальным (трактовка позднего Лукача) образом, зависит и определение мыслителем основных диалектических категорий, а также и категории «отчуждение». Если субстанцией «тотальности» объявляется труд, то, с точки зрения Д. Лукача, неизбежно возникает тенденция толковать отчуждение труда в онтологическом плане, а именно – как отчуждение *самой реальности*.

Как уже было сказано, истоки своей концепции отчуждения Д. Лукач видит в гегелевской философской системе. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи раннего творчества Д. Лукача. Так, следуя за Г. Гегелем, автор в работе «История и классовое сознание» **отождествляет отчуждение с опредмечиванием**, т. е. придает этой категории неправомерно расширительный смысл, который заключается в присвоении этой категории онтологического значения. Подобно тому, как у Гегеля отождествление отчуждения и опредмечивания было логическим следствием мировоззренческой посылки об исходном идеалистически толкуемом тождестве мышления и бытия, у раннего Лукача аналогичная идентификация также была следствием определенного мировоззренческого постулата, а именно историцистского понимания категории «тотальность».

Напомним, что «тотальность» выступает в «Истории и классовом сознании» не как онтологическое единство общества и природы, но как фиксация целостности социально-исторических связей (структура развитого товарного хозяйства), то есть «тотальность» целиком замыкается на понятии «социальность». Поэтому «предметность» предстает у Лукача не только как результат взаимодействия людей, а как «застывание», «овеществление», «отчуждение» этого взаимодействия: предметы (вещи) понимаются как «окоченевшие» межчеловеческие контакты, утратившие свой текучий, процессуальный характер, характер непрерывного становления. Вот почему у раннего Лукача возникла непреодолимая тенденция отождествлять «опредмечивание» (предстающее как выявление в процессе труда предметных контуров реальности) с «овеществлением» (понимаемым как подмена отношений между людьми отношени-

ями между вещами, т. е. предметами, получившими специфически социальные значения), а это последнее – с «отчуждением». Таким образом, Д. Лукач постепенно отходит от отождествления категории отчуждения с опредмечиванием и выявляет особую форму опредмечивания – «овеществление» – более близкую к категории отчуждения.

Необходимо обратить внимание на то, что в философии Д. Лукача формируется более глубокое понимание специфики капиталистического общества, а именно – понимание той главной отличительной особенности капиталистического производства, открытой К. Марксом, состоящей в том, что капиталистическое производство – это не простое товарное производство, а товарное производство на той ступени развития, когда товаром становится и рабочая сила. В таком обществе все продается и покупается, над всем господствует власть денег, власть *вещей* (12). Поэтому овеществление предстает для Лукача главной чертой капиталистического общества и тем самым главной категорией теоретического анализа.

Таким образом, ранний Д. Лукач развивает концепцию *овеществленного отчуждения*. Венгерский мыслитель исходит из положения о том, что в современном ему капиталистическом обществе товарная форма превращается в «действительно господствующую форму всего общества», в «универсальную категорию всего общественного бытия» (13). Д. Лукач фиксирует «захват» овеществлением всей личности человека. Полная включенность рабочего в рационализированный процесс производства приводит к тому, что человек в труде не выступает более как субъект труда, а только как его «носитель», а субъектом, от имени которого этот труд разворачивается, выступает капитал, рабочий-пролетарий лишь «встраивается в качестве некой механической части в механическую систему», причем ему совершенно чуждую. Как пишет Д. Лукач, «качества и способности человека уже не связываются более с органическим единством личности, а выступают как «вещи», которыми человек «владеет» и которые он отчуждает наподобие различных предметов внешнего мира» (14). Деятельность человека выступает по отношению к нему в качестве *субъекта*: как внешняя, чуждая ему и господствующая над ним сила, а человек становится *объектом* воздействия на него чуждых ему сил.

Но если у К. Маркса суть товарного фетишизма, отчуждения обосновывается как неизбежный результат капиталистических производственных отношений, то Д. Лукач еще склонен в значительной степени выводить господство общественных отношений и институтов над человеком из универсальной рационализации производства. Поэтому протест против овеществленных форм социальной реальности приводит венгерского мыслителя к отказу от признания общественных институтов как таковых. Всякая институциональная форма оказывается подвергнутой критике как форма отчуждения. Противоречивость и непоследовательность философского рассмотрения проблемы отчуждения проявляется и в том, что отчуждение в его понимании связывается не с эксплуатацией, а выступает лишь как следствие специализации труда, как только неизбежный результат разделения труда, который принимает отчужденную форму институализированных сфер общественной реальности.

Если исходить из его концепции «тождественности субъекта и объекта», то отчуждение связывается Д. Лукачем с особым типом *сознания*, который исключает субъекта из практического процесса, понимает человека не в его целостности, а в раздробленности. Поэтому преодоление отчуждения рассматривается венгерским мыслителем как уничтожение дуализма мышления и бытия. В то же время нельзя вполне согласиться с мнением М.А. Хевеши, определившей этот процесс снятия отчуждения как сведение его только к гносеологической проблематике (15). Как видно из анализа, Д. Лукач достаточно полно и всесторонне описывает реальные процессы зависимости человека от институализированных форм регламентации человеческой жизнедеятельности: право (неразрывно связанное с применением принуждения и насилия человека над человеком), мораль (по природе своей не могущая исключить формально-моральные, а на деле – безнравственные акции), государственный аппарат (таящий в себе всегда, пока он существует, тенденцию к бюрократизации во всех ее видах) и т. д., той зависимости, которая его душит, гнетет, он вынужден ей подчиняться как внешней и навязанной ему извне особой силой, зачастую чуждой и враждебной ему.

Таким образом, с одной стороны, на раннем этапе своей теоретической деятельности Д. Лукач решает проблему отчуждения, в значительной степени преувеличивая значение по-

следствий отчужденного положения человека в обществе, а именно рассматривая влияние отчужденных форм деятельности на его сознание и самосознание. Недостаток его концепции мы видим в том, что развитие человечества венгерский философ изобразил как историю смены видов и форм отчужденного овеществления, понятого в гегелевском духе, лишь как инобытие человеческого сознания. И хотя в отличие от Г. Гегеля отчуждение для Лукача становится центральным пунктом критики капитализма, все-таки эта категория лишена у него тех конкретных экономических и социальных характеристик, которые выявляют действительную сущность отчуждения как явления капиталистического общества. Поскольку отчуждение отождествляется с опредмечиванием, то и «вещность» для Д. Лукача, как и для Г. Гегеля, есть нечто чуждое, не соответствующее самой сущности человека.

Но, с другой стороны, помимо этого момента отождествления отчуждения с опредмечиванием есть и новые подходы, в рамках которых Д. Лукач возвышается над гегелевским представлением об отчуждении. На наш взгляд, необходимо не только выделять этапы рассмотрения проблемы отчуждения в философском творчестве Д. Лукача, но и рассматривать эволюцию его идей. Нельзя утверждать однозначно положение о том, что в ранних работах венгерский философ целиком и полностью придерживается идеалистических воззрений, как это принято в целом ряде публикаций. В рассмотрении институализированных форм общественной жизни Д. Лукач стремится обнаружить такие формы отчуждения, которые не могут быть сведены только к опредмечиванию. Рассмотрение феномена отчуждения Лукачем предстает в более богатой и развитой форме, чем это представлено в работах известных исследователей его творчества.

Поэтому особое значение, на наш взгляд, имеет не только критика философских воззрений Д. Лукача, но и те положительные моменты, которые, безусловно, присутствуют в его философских построениях раннего периода. Заслуга Лукача состоит в достаточно острой и смелой постановке проблемы роли процессов отчуждения в общественном процессе, а также поиске путей преодоления, ликвидации форм отчуждения в обществе, что свидетельствует, безусловно, о подлинном гуманизме философского мировоззрения венгерского мыслителя, стремившегося не только в теории, но и на прак-

тике к преобразованию действительности, созданию общества без отчуждения.

Дальнейшую разработку категория «отчуждение» получила в работе «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» (1938 г.), в которой Д. Лукач отходит от вышеозначенной позиции, углубляя исследование проблемы отчуждения. Данное сочинение представляет собой более обстоятельное и в значительной степени марксистское исследование. Здесь Д. Лукач рассматривает философские воззрения Гегеля с целью показать, как и почему Г. Гегель стал предшественником К. Маркса. При этом автор берет лишь один аспект исследования гегелевской философии – общественно-исторический. Д. Лукач тонко прослеживает все нюансы отношения Г. Гегеля к капиталистическому обществу: от рассмотрения этого общества как окончательной формы исторического развития до всего негативного, что несет с собой капитализм, и прежде всего с точки зрения отчужденных форм его существования.

1930 год – переломный момент в творчестве венгерского философа. В это время происходит знакомство с «Экономическо-философскими рукописями 1844 г.» К. Маркса. Эта работа произвела огромное впечатление на Д. Лукача и сыграла, по его словам, решающую роль в формировании его взглядов. Позже, уже в 60-е годы он напишет: «По мере чтения Маркса рушились все идеалистические предпосылки «Истории и классового сознания»... Я помню то разрушительно-революционное впечатление, которое на меня произвели слова Маркса о том, что опредмечивание представляет собой первичное материальное свойство всех вещей и отношений... К этому времени я пришел к пониманию, что опредмечивание... – это естественный вид овладения человеком мира, в то время как отчуждение – его особая разновидность, проявляющаяся при особых общественных условиях. Все это привело к окончательному разрушению той теоретической основы, которая составляла особенность «Истории и классового сознания» (16).

Анализируя структуру отчуждения как центрального понятия «Феноменологии духа» Г. Гегеля, Д. Лукач приходит к выводу, что К. Маркс уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» вскрыл и подверг критике «фальшивое отождествление человека и самосознания, а на объективной стороне – приравнение друг к другу отчуждения и предметно-

сти» (17). Марксова трактовка отчуждения уже в 1844 году существенно отличалась от гегелевской: отчужденно-фетишистское превращение человеческих способностей и результатов трудовой деятельности эксплуатируемых тружеников в вещь имеет место именно в условиях капитализма, тогда как опредмечивание существует всегда, пока существует сам труд, ибо без этого он теряет смысл. При этом само по себе опредмечивание еще не означает появления отчуждения. Таким образом, отмечая расплывчатый характер понятия отчуждения у Гегеля, Д. Лукач присоединяется к марксовой трактовке, преодолевая свои прежние односторонние воззрения на природу отчуждения.

Как отмечает Д. Лукач, у Г. Гегеля «...«отчуждение» означает то же, что «вещность» или «предметность»: оно представляет собой форму, в которой получает философское выражение история возникновения предметности, предметность как диалектический момент на пути самоидентификации субъекта-объекта через «отчуждение» к самому себе» (18). Д. Лукач критикует указанную позицию Гегеля. Венгерский мыслитель обосновывает неправомерность отождествления «отчуждения» не только с опредмечиванием, но и таким феноменом, как овеществление. Для полной убедительности Д. Лукач ссылается на «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» К. Маркса. Действительно, в главе «Отчужденный труд» Маркс пишет: «...предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила*, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение рабочего из действительности*, опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*, освоение предмета как *отчуждение*. ... Все эти следствия уже заключены в том определении, что рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чуждому предмету*» (19).

Венгерский философ полностью разделяет эту позицию великого классика: «Опредмечивание представляет собой характеристику труда вообще, а отчуждение – следствие общественно-разделения труда при капитализме, возникновения так называемого свободного рабочего, который вынужден работать с принадлежащи-

ми ему средствами производства и которому, следовательно, и эти средства производства, и его собственный продукт противостоят как чуждая, не зависящая от него сила» (20).

Д. Лукач, четко отмечая различия между опредмечиванием и отчуждением, в самом отчуждении, вслед за К. Марксом, выделяет два плана: объективный и субъективный. Объективный план отчуждения был рассмотрен нами выше: объективно продукт труда выступает как чуждый человеку и господствующий над ним предмет. В субъективном плане отчуждение связано не столько с продуктом труда, сколько с процессом труда и представляет собой так называемое самоотчуждение. В этой связи Лукач в соответствии с марксовым определением указывает на главную характеристику отчуждения как самоотчуждения – человек в процессе капиталистического производства отделяет от себя свою собственную сущность, «...труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; ...он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя» (21). В результате – развивает мысль Лукач далее – возникает самоотчуждение, которое выражается в присущем капиталистическому обществу искажении всех человеческих ценностей (22).

Критика Д. Лукача распространяется и на проблему снятия отчуждения. Поскольку, по мнению Д. Лукача, Гегель в данном вопросе исходит из ложных предпосылок: 1) отождествления отчуждения с предметностью вообще и 2) отождествления сущности человека с самосознанием, постольку отсюда «проистекает ложная кульминация гегелевской философии, заключающаяся в снятии предметности» (23). «Поэтому речь идет о том, чтобы преодолеть *предмет сознания*, – цитирует Лукач Маркса. – *Предметность* как таковая считается *отчужденным*, не соответствующим *человеческой сущности* (самосознанию) отношением человека. Поэтому *обратное присвоение* порождаемой как нечто чуждое, под категорией отчуждения, предметной сущности человека имеет значение не только снятия *отчуждения*, но и снятия *предметности*, т. е. человек рассматривается как *непредметное, спиритуалистическое существо*» (24).

Таким образом, в исследовании проблемы отчуждения в интерпретации Г. Гегеля Д. Лукач отходит от прежнего понимания этой категории. Преодоление венгерским философом идеалистической позиции, отождествляющей категории «опредмечивание» и «отчуждение», – на наш взгляд, шаг вперед на пути к марксистскому пониманию концепции отчуждения.

При этом нельзя сказать, что Лукач полностью отвергает взгляды Гегеля на проблему отчуждения. Слабый момент в концепции Д. Лукача состоит, как мы считаем, в некоторой идеализации молодого Гегеля. Она выразилась в несколько прямолинейном сближении «Феноменологии духа» с идейной направленностью «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса. Лукач приблизил трактовку труда у Гегеля к трактовке его у молодого Маркса. Между тем идеалистическое понимание труда Г. Гегеля привело к тому, что у последнего, строго говоря, нет отчуждения труда, но есть *отчуждение духа* в трудовой деятельности. Этот принципиально важный факт, прокладывающий между Г. Гегелем и К. Марксом границу, не был отмечен венгерским философом, что позволяет нам говорить о недостаточном понимании Д. Лукачем категории отчуждения у К. Маркса. Тем не менее, критика гегелевской концепции отчуждения свидетельствует об определенной эволюции во взглядах Д. Лукача на проблему отчуждения.

Таким образом, если на раннем этапе философского творчества Дьердь Лукач идеалистически интерпретирует категорию «отчуждение» и, исходя из тождественности субъекта и объекта, отождествляет отчуждение с опредмечиванием, то в последующих работах венгерский философ преодолевает ограниченность прежней трактовки понятия отчуждения. В исследовании феномена отчуждения Д. Лукач выявляет более глубокие, субстанциональные основания возникновения отчуждения, обусловленные коренными качественными изменениями в развитии экономических отношений, смене общественных исторических форм предметно-практической деятельности людей. Феномен отчуждения предстает в трактовке венгерского философа и в другом аспекте: как господство институализированных, овеществленных форм общественных отношений. Д. Лукач приходит к марксовому пониманию отчуждения как следствия глубочайшего переворота в сфере экономических отношений, когда сам процесс труда, а также его результаты противостоят человеку как чуждая и враждебная ему сила господствующих над ним стихийных общественных отношений и их институализированных общественных форм, искажающих всеобщие ценности человечества и приводящих к обесчеловечиванию и деградации человеческой личности.

Список использованной литературы:

1. См.: Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997. С. 77.
2. Heidegger M. Mit einem Brief Uber Humanismus Platonis Zehre vom der Warheit. В. 1954. S. 87-89.
3. Хевеши М.А. Дьердь Лукач и его исследование философии Гегеля как теоретического источника марксизма // Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С. 7-8.
4. См.: Бессонов Б.Н., Нарский И.С. Дьердь Лукач. М., 1989. С. 12.
5. Деборин А. Философия и марксизм. М., 1930. С. 95.
6. Lukacs. G. Geschichte und KlassenbewuЯtsein. Neuwied; Berlin, 1968. S. 331.
7. Там же. С. 334.
8. Там же. С. 335.
9. Стыкалин А. Дьердь Лукач: ученый, мыслитель, политик // Свободная мысль. 1999. №3. С. 98.
10. Lukacs. G. Geschichte und KlassenbewuЯtsein. Neuwied; Berlin, 1968. S. 351.
11. Там же. С. 20.
12. См.: Хевеши М.А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977. С. 102.
13. Поцелуев С.П. «История и классовое сознание» Д. Лукача: теория «овеществления» и романтический антикапитализм // Вопр. философии. 2000. №4. С. 58.
14. Там же. С. 62.
15. См.: Хевеши М.А. Из истории критики философских догм II Интернационала. С. 103.
16. Хевеши М.А. Дьердь Лукач и его исследование философии Гегеля как теоретического источника марксизма // Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С. 11.
17. См.: Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. С. 547.
18. Там же. С. 587.
19. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 88.
20. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. С. 596.
21. Там же. С. 596-597.
22. См.: Там же. С. 597.
23. См.: Там же. С. 599.
24. Там же.